УДК: 347.77.043:342.9 DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-5-208-225

ОСОБЕННОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ДИСКУРСА В СССР ДО НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Родина В.В. [1]

Для анализа развития промышленности в СССР автор использует дискурсивную теорию, которая позволяет всесторонне определить тенденции развития промышленности в довоенном СССР. Такая практика использования понятия «дискурс» свойственна «критическим» подходам философских, социологических и политологических теорий. Цель статьи – изучить в исторической ретроспективе развитие и трансформацию промышленного дискурса, определить его роль в развитии государственности и экономики СССР. Сформулированы причины, почему промышленный дискурс так и не стал основополагающим в рамках развития государства, иными словами – утратил возможность отождествляться в качестве национальной идеи. Автор анализирует взаимодействие различныхакторов и влияние на промышленный дискурс проводимой государством политики.

Главной особенностью промышленного дискурса в СССР становится его колоссальная поддержка широкими слоями населения. Также важной особенностью промышленного дискурса в СССР стало появление плановой экономики, а также приоритезация военного производства над гражданским. Автор проанализировал развитие промышленности в условиях нерыночного типа хозяйствования. Определены причины снижения производительности труда и качества продукции, производимой национальной промышленностью. Автор резюмирует, что в СССР удалось не просто создать промышленность, сократить отставание в научно-техническом прогрессе, но и войти в общемировые тренды, наметилась тенденция бурного развития. Из аграрной страны СССР превратился в мощную промышленную державу, цена такой трансформации – выкачивание денег из сельского хозяйства, нечеловеческие условия труда, мощная мобилизация всех трудовых ресурсов страны.

Ключевые слова: промышленность, дискурс, СССР, научно-технический прогресс, рабочийкласс, производительностьтруда.

FEATURES OF INDUSTRIAL DISCOURSE IN THE USSR BEFORE THE GREAT PATRIOTIC WAR

RODINA V.V. – Candidate of Political Sciences, Doctor Student of Saint Petersburg State University (Russian Federation, Saint Petersburg), e-mail: velnews@mail.ru

To analyze the development of industry in the USSR, the author uses a discursive theory that allows a comprehensive determination of the trends in the development of industry in the pre-war USSR. This practice of using the concept of "discourse" is inherent in the "critical" approaches of philosophical, sociological and political theories. The purpose of the article is to study the development and transformation of industrial discourse in historical retrospect, to determine its role in the development of the statehood and economy of the USSR. The reasons why the industrial discourse has not become fundamental within the framework of the development of the state are

Родина Валерия Владимировна – кандидат политических наук, докторант, Санкт–Петербургский государственный университет, адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9, e-mail: velnews@mail.ru

formulated, in other words, it lost the opportunity to be identified as a national idea. The author analyzes the interaction of various actors and the influence on the industrial discourse of the state's policy.

The main feature of industrial discourse in the USSR is its great support by broad sections of the population. He had a high mobilization potential. Also an important feature of industrial discourse in the USSR was the emergence of a planned economy, as well as the prioritization of military production over civil. The author analyzed the development of industry in conditions of non-market type of management. The reasons for the decline in labor productivity and the quality of products produced by the national industry are determined. The author summarizes that in the USSR it was possible not only to create industry, to reduce the backlog in scientific and technical progress, but also to enter the global trends, the tendency of rapid development is outlined. From an agrarian country the USSR has turned into a powerful industrial power, the price of such a transformation is pumping money from agriculture, inhuman working conditions, powerful mobilization of all labor resources of the country.

Keywords: industry, discourse, the USSR, scientific and technical progress, working class, productivity of labor.

Научное осмысление развития промышленности в СССР – сложная задача, поскольку данное явление определяется многими факторами, в т.ч. экономическими, политическими и идеологическими. Немаловажное место среди них занимают многомерность, комплексность, уникальность объекта анализа. Тема исследования разноплановая. Прежде всего это связано с непростым историческим периодом: изменениями общественно-экономической и политической формаций, революцией, индустриализацией, гонкой вооружений и, наконец, войной. На эффективность развития промышленности в СССР влияло множество факторов. Среди них – взаимодействие различных акторов в рамках промышленного дискурса, при этом они неоднократно входили в противоречия друг с другом, среди них наблюдалась конкуренция за государственные ресурсы. В связи с этим комплексно оценить и проанализировать основные направления развития промышленности, тенденции, полифоничность различных акторов автору представляется возможным в рамках дискурсивной теории.

Актуальность анализа обусловлена еще и тем, что в предвоенный период в условиях резкого осложнения внешнеполитической обстановки вокруг СССР промышленный дискурс, а именно концепт «индустриализация», претендовал на роль национальной идеи, способной сплотить страну, преодолеть отсталость военную, культурную, государственную, промышленную, задать общий вектор дальнейшего развития.

В данной статье автор рассмотрел трансформацию промышленного дискурса и предпринял попытки найти причины, почему он так и не стал основополагающим в рамках развития государства, иными словами– утратил возможность отождествляться в качестве национальной идеи.

Главной особенностью промышленного дискурса в СССР на протяжении всего XX века и в предвоенный период в частности стала его колоссальная поддержка широкими массами населения. Класс трудящихся, рабочих положительно воспринимал промышленный дискурс. Он имел высокий мобилизационный потенциал и максимальное доверие со стороны трудящихся, которые совместно с государством разделяли основные его ценностные характеристики.

Важной особенностью промышленного дискурса в СССР стало появление пятилетних циклов, следствием которых был усилившийся централизм, подчинивший плановой экономике производство и распределение продукции. Вводились военная дисциплина и единоначалие,

не допускалось никакой хозяйственной самостоятельности, формировалась мощная вертикальная интеграция промышленности в государственный аппарат. Первым перспективным планом развития в СССР после революции стал план ГОЭЛРО, предусматривавший опережающее развитие электроэнергетики. При этом он включал развитие не только одной энергетики, а всей экономики и в целом территорий, он сопровождался развитием транспортной системы в стране. Именно он положил основу индустриализации в СССР. Дешевая электроэнергия давала импульс к развитию всех остальных отраслей народного хозяйства, способствовала повышению производительности труда в экономике. Отсюда итезис: «Электрификация...является направляющим, регулирующим и облегчающиморудием напряженного труда»[1]. Огромная территория СССР делала критически важными инфраструктурные проекты, отвечающие за перемещение различных экономических ресурсов в пространстве, в том числе энергетических[2].

Другой важной особенностью промышленного дискурса на протяжении всего XX века стала жесткая приоритезация военного производства над гражданским. Советское руководство настаивало на расширении государственных дотаций военным заводам, подчинении военному производству гражданских отраслей.

Кроме того, важной особенностью промышленного дискурса в Советской России стал утвердившийся преимущественно нерыночный тип хозяйствования. Одним из первых шагов нового советского руководства в промышленности стала ее национализация. В государственную собственность сначала передавались отдельные предприятия и акционерные общества, затем рабочие организации самостоятельно проводили конфискацию предприятий у прежних владельцев. В основном это были предприятия топливной, металлургической, химической, металлообрабатывающей промышленности, машиностроения[3]. При этом темпы национализации долгое время возрастали. Национализировалась кожевенная, текстильная, химическая, энерготехническая, топливная промышленность, винокуренное и спиртоочистительное производство. Если в первые месяцы существования советской власти ежемесячно отчуждалось около 165 предприятий, то в апреле – июле 1918 года – 305 предприятий[4]. А в целом речь шла о тысячах предприятий, которые повсеместно национализировались.

Таким образом, промышленный дискурс в начале 1920-х годов характеризуется переходом к доминирующей ролигосударства как в мобилизации национальных сбережений, так и их распределении, и использовании. Он был рассчитан на широкие массы людей, отражал революционные чаяния рабочего класса. Акторами промышленного дискурса был как государственный аппарат, начавший регулировать связи между отдельными производствами, что выражалось в жестком централизме и администрировании, так и рабочий класс, настроения которого были умело использованы для мобилизации в рамках массированной индустриализации. При этом принципиальной особенностью промышленного дискурса на ранней стадии индустриализации стала широкая популярность его у большой части населения.

[1]План ГОЭЛРО. – М.: ИД ЭНЕРГИЯ, 2006. – 1071 с.
[2]Козенко А.С. План ГОЭЛРО как пример национальной технико-экономической стратегии // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). – 2015. – №2 (35). – С.17–23.
[3]Абрамова Т.А. Промышленность советского Союза: плановое развитие и цикличность // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). – 2012. – №4. – С.54–58.
[4] Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности (Очерки истории ВСНХ. 1917 – 1932 гг.). – М., 1966. – 283 с.

Ухудшение социально-экономического состояния страны заставило правительство сделать выбор в пользу реализации НЭП: возродить курс на рыночные реформы: были сделаны значительные уступки частной инициативе и рыночным отношениям с целью оживить производство. Тресты должны были координировать деятельность предприятий не только в отраслевом, но и в территориальном разрезе «впитать в себя всю деятельность подчиненных им предприятий и создать тем самым единый производственный организм»[1]. Уже к концу 1922 года около 90% промышленных предприятий были объединены в 421 трест, причём 40% из них были централизованного, а 60 % — местного подчинения.

При этом денежно-кредитная система в период НЭП характеризуется следующим явлением – нарастающий дисбаланс цен между промышленными и сельскохозяйственнымитоварами.Он достигал 300%. С лёгкой руки Троцкогоэто явление стали называть «ножницами цен», оно было вызвано просчетами большевистского руководства в области финансовой политики, а также форсированной индустриализацией: в аграрной стране делали упор на развитие промышленности, что требовало «выкачивания» денег из сельского хозяйства путем манипулирования налогами изменениями ценовой политики, снижением закупочных цен на продукцию сельского хозяйства.

Таким образом, промышленный дискурс в период НЭПа некоторым образом либерализируется. Наблюдаются организация массового и серийного производства, улучшение качества продукции, сокращение сроков изготовления, снижение цен на изделия. Однако данная политика продолжалась недолго: появившиеся рыночные отношения были сопряжены с жестким государственным регулированием экономических процессов. Государство сохраняло командные высоты в крупной и средней промышленности. Так называемых НЭПманов жёстко контролировали, не позволяя финансовой элите трансформироваться в элиту политическую. И в торговле был также введен запрет на частную торговлю на внешних рынках.

Развитие промышленного дискурса в предвоенное время осложнялось существованием объективных проблем. Страна лежала в руинах после интервенции и Гражданской войны, доступ к внешним кредитам был закрыт, на фронтах погибло большое количество технической интеллигенции и квалифицированных рабочих. Кроме того, первые два года пятилетки дали резкий разрыв качественных показателей от количественных темпов роста. На долгие годы промышленный дискурс стал определяться такими понятиями, как низкая организация производства, низкая трудовая дисциплина, а главное – низкая производительность труда.

Эти проблемы не обошли стороной и внимание высшего руководства страны. Так, Ф.Э. Дзержинский одним из первых предложил «во главу всей нашей политики и всего действенного сознания партии и всего рабочего класса поставить задачу поднятия во что бы то ни стало производительности труда и удешевления производства»[2].

Прежде всего эта задача связана с тем, что развитие промышленного дискурса в СССР проходило на фоне борьбы двух систем – капиталистической и социалистической. При этом решающее значение приобретает борьба за высший уровень производительности труда, и прежде всего за высшие темпы роста производительности труда, потому что данный показатель является основным свидетелем превосходства той или иной системы хозяйствования.

[1] Отчет Высшего Совета народного хозяйства VIII Всероссийскому съезду Советов. –М., 1920. – С. 22.
[2] Грик Н.А. Проблемы эффективности советской промышленности в 1920 – начале 1930-х гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2005. – №288. – С.182–188.

Все это в итоге оказывало давление на государственный бюджет, который в результате отказа советского руководства от рыночных механизмов финансирования промышленности стал основным источником финансирования производства. На XVII партконференции Г.К. Орджоникидзе вынужденно констатировал, что тяжелая промышленность в целом не только не снизила себестоимость продукции, а, наоборот, повысила на 5,5 %[1]. Промышленный дискурс омрачался такими проблемами, как низкая производительность труда, высокая себестоимость продукции, высокий брак на производстве, низкая дисциплина.

Член Политбюро ЦК РКП (б), Председатель РВС и нарком по военным делам Лев Троцкий о высокой себестоимости советской продукции говорил: «Промышленность существует для того, чтобы производить полезные вещи. Мы их производим ныне больше, чем год назад,… но… государственная промышленность работала в убыток. Это значит, что если взять ту сумму материальных ценностей, которые имелись у государства в области промышленности год назад и сегодня, то мы сегодня беднее… мы дьявольски бедны, а враги наши богаты. …Наш годовой доход – 5 млрд… Доход Соединенных Штатов – 130 млрд. На душу это составляет… в Америке 1 300 руб., а у нас – 38 руб.»[2].

В промышленном дискурсе эта проблема звучала достаточно громко. Так, член Политбюро ЦК ВКП (б), председатель ЦКК-РКИ ВКП (б) Ян Рудзутак подчеркивал в своем выступлении следующее: «Прежде всего, необходимо остановиться на низкой производительности труда… причина заключается в плохом техническом руководстве. У нас слишком большое количество рабочих делает ту работу, которая… может быть произведена меньшим количеством рабочих… мы не умеем правильно расставить рабочую силу. Очень часто, когда указывают на достижения заграничной техники, на повышение производительности благодаря применению… элементарных мероприятий… инженеры пожимают плечами и говорят, что в этом ничего нового нет, что они десять раз об этом слышали, но тем не менее мер никаких не принимают. Следующий момент, который задерживает развитие… производительности… – это неумелое использование и незавершение до конца имеющейся механизации. Например, на заводе им. Сталина доменная печь оборудована по последнему слову американской техники, а все обслуживание печи продолжается ручным способом…. В результате этого получается совершенно не американская производительность. И вот эта незначительная недоделка не позволяет надлежащим образом использовать ту механизацию, которая имеется на заводе… необходимо получать полный производственный эффект от того оборудования, которое мы с таким трудом поставили и привели в действие…»[3].

В результате ухудшалось качество готовых изделий.На отдельных заводах брак литья достигал 20%. По станкостроению только за I квартал брак по вине рабочих составил 39,8 %, а за счет низкого качества материалов − 29,8%[4].

На эту проблему обращало внимание и высшее руководство Советского Союза. В частности, И. В. Сталин говорил: «Нельзя дальше терпеть… безобразное качество продукции ряда наших предприятий… давно пора покончить с этим позорным пятном»[5]. Я. Э. Рудзутак

[1] Хасбулатова О.А. Движение женщин-общественниц в 1930-е годы как технология государственной политики по вовлечению домашних хозяек в общественное производство [Электронный ресурс] / О.А. Хасбулатова // Гендерные исследования: методологические подходы. – URL: http:// www.genderstudies.info/social/s04.php

[2] XII съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. – М.: Изд. «Красная новь», Главполитпросвет, 1923.

[3] XVII конференция ВКП (б). Стенографический отчет. – М.: Партийное издательство, 1932.

[4] Грик Н.А. Проблемы эффективности советской промышленности в 1920 − начале 1930-х гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. − 2005. − № 288. − С.182−188.

[5] XVI съезд ВКП (б). Стенографический отчет. – М.-Л.: ГИЗ, 1930.

так характеризовал данную проблему: «…брак является бедствием для нашей промышленности… Возьмем завод «Станколит» … по станочному литью брак доходит до 50 с лишним процентов… Из 1872 оцинкованных сит, производимых заводом им. Письменного…, все 100% оказались браком… полуфабрикаты от завода «Красный Профинтерн» (крепежный материал и литье ковкого чугуна) на 80% являются браком.. Почему происходит брак и плохое качество продукции?.. Это зависит исключительно от нашей бесхозяйственности, от нашего неумения, а иногда и от нежелания хорошо и добросовестно работать… Чрезвычайно велика аварийность… причина аварий – целый ряд технических дефектов в том оборудовании, которое мы получаем от нашей промышленности…»[1].

1-й секретарь Ленинградского губкома ВКП (б), член Политбюро ЦК ВКП (б) С.М. Киров также останавливал на этой проблеме свое внимание: «качество нашей работы… больное место… мы дошли… до того, что недавно наше Советское правительство и наш ЦК вынуждены были издать декрет, закон, по которому за плохое качество продукции мы… будем привлекать к уголовной ответственности. Это, товарищи, как бы сказать помягче, позор для нашей работы…»[2].

Причин, негативно влияющих на промышленный дискурс, было множество. Одну из основных сформулировал Н.И. Бухарин: «…в русло нашей индустрии вливается огромное количество новых рабочих, идущих из деревни… технически совершенно неграмотных, впервые иногда переходящих за порог фабричного здания…»[3].

Известный ученый П.Л. Капица в середине 1930-х гг. подчеркивал: «Развитие нашей промышленности поражает отсутствием творчества…» [4].

Причина низкой производительности труда, снижения качества изделий заключается еще и в социальном факторе, а именно в отсутствии искренней мотивации трудящихся в производстве хороших, качественных изделий, отсутствии личной заинтересованности. Прежде всего это связывается с тем, что в промышленном дискурсе начинает обнаруживаться скрытый конфликт двух основных акторов промышленного дискурса, а именно государственного аппарата и рабочих. Корнями этот конфликт уходит в качество организации производства и создаваемых условий для рабочего класса. В результате широкой индустриализации промышленные предприятия стали основными ячейками в жизни общества и отвечали за многие функции организации жизни и быта людей. При этом многие предприятия становились градообразующими или ответственными за состояние дел в городе или районе. Жесткая централизация промышленности, игнорирование интересов людей – все это снижало вовлеченность широких народных масс в промышленный дискурс, а также снижало и мобилизационную активность.

Осложнялось это еще и тем, что для советской промышленности были характерны огромные дисбалансы: одного производилось много, другого – мало. Этот принцип был метафорично описан Л.Н.Крицманом: «К чему сводится наше «ударное» хозяйничанье? Какая-нибудь отрасль труда объявляется ударной. «Все на имярек». Дело идет на лад. Но тут же, как только или еще до того, как сбольшими усилиями удается вытащить «ударный» нос, обнаруживается, что увяз «неударный» хвост. Хвост немедленно объявляется ударным, и история начинается сначала»[5]. При этом интересы государства, которое формировало план, и общества постоянно

[1] XVII съезд ВКП (б). 20 января−10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. – М.: Партиздат, 1934.
[2] XVII съезд ВКП (б). 20 января−10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. – М.: Партиздат, 1934.
[3] XVII конференция ВКП (б). Стенографический отчет. – М.: Партийное издательство, 1932.
[4]Капица П.Л. Письма о науке. − М., 1989. − 236 с.
[5]Крицман Л. О едином хозяйственном плане. − М.: Госиздат, 1921.

сталкивались и входили в противоречия. Между производителями и потребителями возникало несоответствие, рождая проблему дефицита и отложенные ожидания населения.

Таким образом, в промышленном дискурсе начинает формироваться конфликт населения и государства, он уходит глубокими корнями в особенности организации производственных процессов и их качество. В свою очередь, нищавшее население отвечало традиционной для России формой протеста — снижением производительности труда и преступностью[1]. Такой ведущий актор, как рабочий класс, начинает терять свой статус мощной социальной силы – его возможность оказывать влияние на производственные процессы, а также на социально-экономическое развитие страны снижается. Власть находилась в руках партийной номенклатуры, полностью сосредоточившей в себе все рычаги управления не только государством, но и социальной, духовной жизнью общества.

При этом попытка повлиять на промышленной дискурс государственным аппаратом в части повышения производительности труда, снижения издержек, брака провалилась. Данную проблему руководство Советского государства пыталось решить, игнорируя объективные требования народного хозяйства.

Нежелание реформировать механизмы развития промышленности компенсировалось упованием на «энергию Коммунистической партии и коммунистов − работников нашего аппарата», «сознательным отношениям всех работников к этому делу»[2]. Заместитель председателя Госплана Г.Я. Сокольников определил основной характер формирования промышленной политики «как напор на получение большей суммы денег за счет бюджета без учета опыта прошлого, что приводило к торопливости, бестолковости и азарту»[3].

При этом В.В. Куйбышев достаточно резко продемонстрировал приемы убеждения, находящиеся в арсенале советского руководства: «рублем лучше действовать, но лучших успехов мы добьемся, когда, не ослабляя нашей кампании по убеждению, прибегнем к принуждению[4]. В целом они использовались повсеместно. Так, член ЦК и МК ВКП (б) Лазарь Каганович говорил: «Проблема кадров стоит в тесной связи с обострением классовой борьбы в нашей стране… Выход в том, чтобы лучшие элементы из специалистов перевоспитать, …выгнать негодных и вредных, расстрелять, выслать в Соловки тех, кто занимается вредительством…»[5].

По существу в промышленном дискурсе того времени установилась система «я так хочу», где ведущее место отводилось усмотрению и волевым усилиям. Это было опасное упрощение, грозящее народному хозяйству и всему обществу огромными потерями и издержками[6].

Несмотря на то, что советское руководство не стало принципиально менять экономические механизмы повышения производительности труда, с началом индустриализации в систему стимулирования труда по всей стране внедрялся комплекс

---

[1] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 годы. – Т. I. – М.: Изд-во полит. лит., 1957. − 879 с.

[2] Черновик стенограммы доклада Куйбышева на заседании СНК и СТО об итогах выполнения промфинплана 1926/27 г. 28 февраля 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 79. ОП. 1. Д. 603. Л.10.

[3]Стенограмма совещания членов Президиума Госплана СССР 13 октября 1926 г. (РГАЭ. Ф. 4372. ОП. 1. Д. 335. Л.10−11, 64

[4] Черновик стенограммы доклада Куйбышева на заседании СНК и СТО об итогах выполнения промфинплана 1926/27 г. 28 февраля 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 79. ОП. 1. Д. 603. Л.10.

[5] XVI съезд ВКП (б). Стенографический отчет. – М.-Л.: ГИЗ, 1930.

[6]Грик Н.А. Проблемы эффективности советской промышленности в 1920 − начале 1930-х гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. − 2005. − №288. − С.182−188.

идеологических методов, нацеленных на поднятие интереса к труду: вручение переходящего Красного знамени, занесение имен рекордсменов производства на Красную доску, организация слетов ударников[1].

На помощь директорам предприятий в выполнении плановых заданий была направлена деятельность партийных и общественных организаций — профсоюзов, комсомола, органов народного контроля, организовывавших идеологические кампании за развитие социалистического соревнования, за экономию ресурсов и многое другое[2].

Одним из частных примеров стало появление стахановского движения. Оно было эффективно сформировано в качестве концепта в рамках промышленного дискурсаи направлено на борьбу с растущим саботажем. Стахановское движение было призвано повысить производительность труда, мотивировать рабочих на выполнение максимальных трудовых показателей. Оно стало элементом коммунистической пропаганды. Несмотря на то, что оно сопровождалось всплеском трудового энтузиазма, в нем было и много формализма. Западные исследователи назвали его «кадровой революцией»[3]. Датой его рождения можно считать 31 августа 1935 г., когда своих трудовых, впоследствии знаменитых, достижений добился бригадир шахтеров Алексей Стаханов. «Трудовой подвиг» Стаханова был «подхвачен» и в остальных отраслях производства. Уже в ноябре 1935 года состоялось первое Всесоюзное совещание стахановцев, в котором участвовали три тысячи человек. Оно подвело первые итоги данного движения новаторов, раскрыло его огромное значение для ускорения темпов технической реконструкции народного хозяйства СССР. В декабре 1935 года состоялся Пленум ЦК ВКП(б), на котором обсуждалось состояние промышленности и транспорта в связи со стахановским движением[4]. В частности, было отмечено, что «стахановское движение подымает культурно-технический уровень рабочего класса, ломает старые технические нормы, перекрывает в ряде случаев производительность труда передовых капиталистических стран, обеспечивает быстрый рост производства предметов потребления и их удешевление, обеспечивает превращение нашей страны в наиболее зажиточную».

Нельзя не отметить и негативные стороны у этого движения. Движение имело огромное мотивирующее значение. Тем не менее эта гонка приводила и к тому, что возросло количество поломок и аварий оборудования. Наметился рост напряжения среди рабочих, так как заработки ударников в 8–10 раз превышали заработки обычных рабочих. Все это вело к отсутствию взаимопонимания в среде рабочих. Глубокие внутренние пороки советской экономики привели к нарастающему разрушительному воздействию стахановского движения на экономику. Оно сыграло важную роль в подготовке преследований хозяйственников в годы «большого террора»[5].

Еще одним важным элементом промышленного дискурса в СССР стала активная

---

[1]Шульгина М.В. Эволюционирование системы принуждения и стимулирования труда заключенных в Соловецких лагерях особого назначения (1923−1933 годы) // Вестник ЧелГУ. − 2010. − №10. − С.61 – 67.

[2] Егорцева Н.А. Становление отечественного автомобилестроения, роль акционерного общества «Фиат» в решении автомобильной проблемы в СССР // Вектор науки ТГУ. − 2012. − №2. − С.103−106.

[3] Siegelbaum, L. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941 / L. Siegelbaum. – Cambridge (Mass.), 1988.

[4] Миргородова Ю. М. Стахановское движение на предприятиях свеклосахарной промышленности Курской области в 1933−1940 гг. // Ученые записки РГСУ. − 2010. − №5. − С.95−99.

[5] Зелёв М.В. Сталинские инженеры и хозяйственники в зарубежной историографии 1950−1980-х гг.: от первых подходов до ревизионистской концепции // Известия ВУЗов. Поволжский регион.−Гуманитарные науки. − 2014. − №4 (32). − С. 66−77.

вовлеченность женщин в промышленное производство. Она была выше, чем в большинстве стран мира[1]. Женщины преимущественно трудились в «женских» секторах промышленности. Однако их труд был неквалифицированным и самым низкооплачиваемым[2]. В 1927 году средняя зарплата работницы составляла всего 64% от заработной платы рабочего[3]. Низкая квалификация и недостаточная оплата женского труда стали самыми существенными факторами гендерной дискриминации в заводском сообществе[4].По свидетельству женотделов, работницам «приходилось драться за каждый станок»[5]. В 1930-е годы миллионы женщин стали трудовым резервом индустриализации. Темпы роста женской рабочей силы опережали темпы роста мужской. Рост и развитие промышленности требовали появления дополнительной рабочей силы, мощным резервом которой стали женщины. Несмотря на существование антифеминистических настроений, женщины все же получили возможность карьерного роста. Для мотивирования женщин работала мощная идеологическая машина. Профсоюзные организаторы и работницы женотделов вели работу среди женщин в форме лекций, бесед, беспартийных конференций, поясняя новые возможности, открывшиеся советским законодательством[6].

Заметным явлением 1930-х годов стало движение женщин-общественниц, которое О.А. Хасбулатова определила как технологию государственной политики по вовлечению домашних хозяек в общественное производство. Исследователь справедливо предположила, что, хотя это движение в печати подавалось как инициатива снизу, на самом деле это была хорошо продуманная прагматичная акция ВКП(б). Дело в том, что к середине 1930-х годов женщины составляли всего 35,8% от общего числа занятых в промышленном производстве, поэтому домашние хозяйки были существенным резервом рабочей силы[7].

Таким образом, промышленный дискурс определялся политикой активного вовлечения женщин в общественное производство.

Другой важной особенностью промышленного дискурса стало окончательное соединение крупных производств страны с местами лишения свободы в конце 1920-х – начале 1930-х гг. В 1929 году СНК СССР принял постановление «Об использовании труда уголовно-заключённых», по которому содержание всех осуждённых на срок 3 года и больше передавалось в ОГПУ. Через год приказом ОГПУ № 130/63 во исполнение постановления СНК СССР «Положение об исправительно-трудовых лагерях» было организовано Управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ, которое в дальнейшем было преобразовано в Главное Управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ (ГУЛаг). Термин «лагерь» приобрел помимо места изоляции опасных и социально чуждых элементов второе значение, а именно производственной и строительной организации, где

---

[1] Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. В 2 т. Т. 1: Власть в антропологическом дискурсе / отв. ред. В.В. Бочаров. − СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. − 491 с.

[2] Голдман В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937) / В.З. Голдман. – М.: РОССПЭН, 2010. − 357 с.

[3] Рашин А.Г. Женский труд в СССР. – М.: Вопросы труда, 1928. – 64 с.

[4] Ульянова С.Б. Гендерные отношения в советской промышленности в 1920-е - 1930-е гг. // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского ГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2013. – №184. – С.119–126.

[5] Окорочкова Т.С. Женский труд в промышленности СССР в годы НЭПа // Социол. исследования. –1999.– №9.– С.93–100.

[6] Ульянова С.Б. Гендерные отношения в советской промышленности в 1920-е – 1930-е гг. // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2013. – №184. – С.119–126.

[7] Хасбулатова О.А. Движение женщин-общественниц в 1930-е годы как технология государственной политики по вовлечению домашних хозяек в общественное производство // Гендерные исследования: методологические подходы. – URL: http:// www.genderstudies.info/social/s04.php

«использование рабочей силы заключенных, помимо первоначальной цели – занять заключенных работой, – получило большое самостоятельное значение в развитии хозяйственной деятельности…»[1]. Труд заключённых в СССР рассматривался как экономический ресурс. Строительство ряда крупных промышленных и транспортных объектов велось благодаря бесплатной рабочей силе заключенных. В кратчайшие сроки были построенны Беломорско-Балтийский канал имени Сталина, канал имени Москвы, Волго-Донской каналимени Ленина. Заключенные принимали участие в строительстве ГЭС (Волжская, Жигулёвская, Угличская, Рыбинская, Нижнетуломская, Усть-Каменогорская, Цимлянскаяи др.), а также ряда металлургических предприятий, железных и автомобильных дорог. Складывалась особая система внеэкономической эксплуатации, в которой главными стимулами привлечения к труду были дифференцированное питание, возможность досрочного освобождения и физическое насилие[2].

К этому периоду относится и появление в промышленном дискурсе первых признаков гигантомании: повсеместно создавались предприятия-гиганты, которые не считались с интересами районов, областей и целых республик. Они обостряли проблему сочетания территориального и отраслевого развития, игнорировали местные и национальные потребности, что в итоге способствовало углублению дефицита товаров. Заводы-гиганты требовали длительного времени для строительства, у них был медленный срок окупаемости, что приводило к росту инфляции. Высокая монополизация производства тормозила в дальнейшем технический прогресс, вызывала сложности быстрого обновления выпускаемой продукции. Акцент делался на количестве, а не на качестве выпускаемых изделий, заводы и фабрики создавались как крупные предприятия-гиганты, монополисты в соответствующих отраслях и подотраслях.

Высокие темпы дополнительных капиталовложений в тяжелую промышленность в первой пятилетке во многом не давали ожидаемого результата. Особенно неудовлетворительными оказались результаты в металлургической промышленности[3]. Советское руководство в конце 1929 г. отказалось от НЭПа и выбрало резкий переход к насильственной коллективизации и ускоренной индустриализации. Жизненно важной была задача обеспечить оборонную мощь страны. Для того чтобы укрепить обороноспособность необходимо было в короткий срок превратить СССР в могучую индустриальную державу, создать современную тяжелую индустрию[4].

Несмотря на существующие сложности, в рамках промышленного дискурса были достигнуты значительные результаты: в 30-е годы по существу заново были созданы станкостроительная промышленность, точное машиностроение и приборостроение, химическое, энергетическое машиностроение, тракторная, автомобильная промышленность. Это обеспечило средствами производства такие отрасли оборонной промышленности, как самолето- и танкостроение, производство артиллерийского и стрелкового оружия, надводных и подводных кораблей. В стране резко увеличились добыча угля, нефти, производство чугуна, стали, выработка

[1] Ханталин Р.А. Невольники Поморья: роль репрессированных граждан СССР в развитии производительных сил Европейского Севера (1930–1954 гг.) // Каторга и ссылка на Севере России: сб. ст. / Помор. гос. ун-т. – Архангельск: Кира, 2006. – Т. 2. – 361 с.

[2] Шульгина М.В. Эволюционирование системы принуждения и стимулирования труда заключенных в Соловецких лагерях особого назначения (1923–1933 годы) // Вестник ЧелГУ. – 2010. – №10. – С.61–67.

[3] Грик Н.А. Проблемы эффективности советской промышленности в 1920 – начале 1930-х гг // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2005. – №288. – С.182–188.

[4] Абрамова Т.А. Промышленность Советского Союза: плановое развитие и цикличность // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). – 2012. – №4. – С.54–58.

электроэнергии[1]. В этой связи возникла резкая потребность в технологиях.

Действительно, к началу 30-х годов уже назрела необходимость модернизации предприятий, которые с 1913 г. не получали никаких новых инвестиций и новых технологических решений. Возник вопрос значительных капиталовложений. Это бремя легло на крестьян, а также средства изымали из отраслей, производивших товары для внутреннего потребительского рынка. Советское партийное руководство так характеризовало ситуацию в промышленности: «Техническую отсталость, которая обнаруживается во всех частях нашего хозяйственного организма…Часто не умеют составлять спецификации, чертежей, не могут использовать ввозимые к нам машины. Отсталость техники, недостаточная квалифицированность технического персонала, пробелы в технических знаниях, отсутствие технических навыков и сноровки – все это сквозит по всему хозяйству сверху донизу»[2].

Таким образом, в промышленном дискурсе обозначилась еще одна проблема–отставание темпов развития НТР. Главными причинами были:

1) монопольный характер отраслевого производства;

2) слабая связь госбюджетного финансирования с конечными результатами деятельности научно-исследовательских и проектных организаций;

3) отсутствие экономической ответственности со стороны министерств и ведомств за деятельность подчиненных им отраслевых НИИ и т.д.[3].

Кроме того, научная и промышленная интеллигенция подверглась массовым политическим репрессиям. В 1929—1931 годах десятки учёных были арестованы и осуждены по так называемому «делу Академии наук», огромное количество высококвалифицированных специалистов погибло в следственных тюрьмах и лагерях. Против многих выдающихся ученых и инженеров была организована травля, нанесшая колоссальный урон отечественной науке.Идеологическое вмешательство коснулось таких дисциплин, как физика, химия, астрономия, экономика, кибернетика и многое другое. Все это, безусловно, тормозило развитие советской науки.

Тем не менее были и положительные примеры. Промышленный дискурс включал в себя международное техническое содействие и обмен научно-техническими достижениями. Например, одним из условий развития советской промышленности стало восстановление хозяйственных связей с зарубежными промышленными компаниями, а также использование их научно-технической базы. Так, 7 января 1926 г. был заключен договор о техническом содействии между «АЕГ» и ГЭТ. Действие договора распространялось исключительно на машиностроительную группу предприятий ГЭТ, в которую входили следующие заводы: Харьковский электромеханический завод, «Электро-сила», «Динамо», «Электрик», «Электроаппарат», «Электрозавод», «Вольта». Этот договор о техническом содействии с «АЕГ» позволил советской промышленности достичь передового уровня производства за относительно короткий период времени. Материалы и опыт германской фирмы дали возможность не только наладить выпуск новых видов продукции и усовершенствовать старые модели изделий, но и избежать ошибок и просчетов, которые могли бы возникнуть при самостоятельном решении этих задач. Это давало советской стороне огромное преимущество

[1] Николаев А.Е. Модернизация оборонной промышленности России: уроки истории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – №6 (24). – С.87–99.

[2] Петров П.В., Павленко В.А. О проблемах становления советской промышленности глазами партийного и хозяйственного руководства СССР // Вестник СГУГиТ (Сибирского государственного университета геосистем и технологий). – 2015. – №4 (32). – С. 208–220.

[3] Нуреев Р.М. Истоки огосударствления экономики и его последствия // Мир новой экономики. – 2017. – №2. – С.93–104.

перед иностранными компаниями, так как она имела уникальную возможность, учитывая чужие ошибки, заимствовать самые передовые достижения в данной отрасли[1].

В целом удельный вес СССР в мировом импорте станков был невероятно высок: 1929 г. – 29,4 %, 1930 г. –24,7 %, 1931 г. – 45,5 %, 1932 г. –68,2 % 17. В 1931 г. СССР закупил около одной трети, а в 1932 г. – около половины мирового экспорта всех машин и оборудования (не считая автомобилей). Советское руководство в целом эффективно использовало для развития промышленности те возможности, которые предоставляли международная торговля и международное сотрудничество. Промышленность получала и быстро осваивала передовые технологии, хотя, разумеется, сохранялось серьезное отставание от США. Особенно велико значение импортного оборудования для нефтяной промышленности было в период первой пятилетки, но и позже многие критически важные задачи решались благодаря импортным поставкам и международному сотрудничеству[2].

Однако Советский Союз оставался еще страной технологически отсталой от экономически развитых капиталистических государств. СССР вынужден был ввозить из-за границы машины и оборудование.

При этом удалось не просто создать советскую промышленность, сократить отставание в научно-техническом прогрессе, но и войти в общемировые тренды, наметилась тенденция бурного развития. Из аграрной страны СССР превращался в мощную промышленную державу, но цена такой трансформации – выкачивание денег из сельского хозяйства, нечеловеческие условия труда, мощная мобилизация всех трудовых ресурсов страны.

Промышленный предвоенный дискурс можно охарактеризовать следующим образом: развитие промышленности в рамках пятилетних планов, сохранение приоритета в развитии военной и крупной промышленности. Она рассматривалась как основная опора советской власти и как источник укрепления обороноспособности. Однако наблюдалась косность государственного хозяйствования в условиях жесткого административного аппарата. Промышленность развивалась экстенсивно, появились признаки гигантомании.

Нарастало существенное отставание качественных показателей промышленного производства, повышалась себестоимость промышленной продукции, снижалась производительность труда. При этом качество продукции и повышение производительности труда так и не вошли в первоочередные задачи Советского руководства. Приоритеты промышленного развития определялись внеэкономическими методами. Начинает формироваться лагерное производство: иной подход к использованию рабочей силы и организации труда, массовые политические репрессии коснулись ученой и промышленной интеллигенции. Огромное количество высококвалифицированных специалистов было отправлено в тюрьмы и лагеря.

Промышленный дискурс был пронизан рефреном «усилить», «утвердить», «заставить». Форсированная индустриализация исключила из промышленного дискурса интересы гражданского населения: не учитывались психология человека, его потребности, желания. Человек воспринимался в качестве ресурса. Мобилизационный характер промышленного дискурса стимулировался в рамках мощной пропагандистской машины. Активностало развиваться стахановское движение, оно, без сомнения, принесло свои положительные результаты, но также породило штурмовщину и дезорганизацию труда.

---

[1] Новиков М.В., Землянская С.В. Иностранный капитал в советской электротехнической промышленности сильных токов в годы НЭПа // Вестник ВолГУ. Серия 3: Экономика. Экология. – 2008. – №2. – С.211–218.

[2] Иголкин А.А. Импорт оборудования как фактор развития нефтяной промышленности в годы довоенных пятилеток // Экономический журнал. – 2005. – №9. – С.208–220.

В рамках индустриализации была объявлена трудовая мобилизация, огромное количество людей было вовлечено в промышленный дискурс, к нему активно присоединились женщины. Он приобрел огромное, по факту решающее значение не только для безопасности и экономики страны, но и для ее социально-политического развития. Однако жесткое давление административной системы привело к снижению влияния рабочего класса на процесс развития промышленности. Стало наблюдаться дальнейшее выпадение его из политической жизни страны. В результате промышленный дискурс, претендовавший вначале на роль национальной идеи, обладающий мощным мобилизационным характером, начинает постепенно терять свою привлекательность среди широких слоев населения. Он начинает осознаваться не как самостоятельный элемент, а как часть тоталитарного государственного дискурса.

Библиография/References:

1. Абрамова Т.А. Промышленность Советского Союза: плановое развитие и цикличность // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). –2012. – №4. – С. 54–58.
2. Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. В 2 т. Т. 1: Власть в антропологическом дискурсе / отв. ред. В.В. Бочаров. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. –-2006. – 491 с.
3. Гинзбург А.М. Предисловия к сборнику «Законодательство о трестах и синдикатах» // НЭП и хозрасчет. – М.: Экономика. – 1990. – С. 150 – 151.
4. Голдман В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937). – М.: РОССПЭН, 2010. – 357 с.
5. Горелов О.И. Цугцванг Михаила Томского. Штрихи к портрету. – М.: РОССПЭН, 2001. – 296 с.
6. Грик Н.А. Проблемы эффективности советской промышленности в 1920 – начале 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. – 2005. – № 288. – С.182–188.
7. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 годы. – Т. I. – М. : Изд-во полит. лит., 1957. – 879 с.
8. Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности (Очерки истории ВСНХ. 1917 – 1932 гг.). – М., 1966. – 283 с.
9. Егорцева Н.А. Становление отечественного автомобилестроения, роль акционерного общества «Фиат» в решении автомобильной проблемы в СССР // Вектор науки ТГУ. – 2012. – № 2. –С.103–106.
10. Зелёв М.В. Сталинские инженеры и хозяйственники в зарубежной историографии 1950–1980-х гг.: от первых подходов до ревизионистской концепции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 66–77.
11. Иголкин А.А. Импорт оборудования как фактор развития нефтяной промышленности в годы довоенных пятилеток // Экономический журнал. – 2005. – № 9. – С.208–220.
12. Капица П.Л. Письма о науке. – М., 1989. – 236 с.
13. Козенко А.С. План ГОЭЛРО как пример национальной технико-экономической стратегии // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). – 2015. – № 2 (35). – С.17–23.
14. Крицман Л. О едином хозяйственном плане. – М.: Госиздат, 1921.
15. Малиа М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. – М.: РОССПЭН, 2002. – 584 с.
16. Меерович М.Г. Тайные пружины советской индустриализации // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2014. – № 1. – С.98–104.

17. Миргородова Ю. М. Стахановское движение на предприятиях свеклосахарной промышленности Курской области в 1933–1940 гг. // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2010. – № 5. – С.95 – 99.

18. Московский А.М. Оборонная промышленность и ее вклад в Победу // Вестник Академии военных наук. – 2005. – № 2. – С. 35–42.

19. Николаев А.Е. Модернизация оборонной промышленности России: уроки истории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 6 (24). – С.87–99.

20. Новиков М.В., Землянская С.В. Иностранный капитал в советской электротехнической промышленности сильных токов в годы нэпа // Вестник ВолГУ. Серия 3: Экономика. Экология. – 2008. – № 2. – С.211–218.

21. Нуреев Р.М. Истоки огосударствления экономики и его последствия // Мир новой экономики. – 2017. – № 2. – С.93 – 104.

22. Окорочкова Т.С. Женский труд в промышленности СССР в годы НЭПа // Социологические исследования. – 1999. – № 9. – С. 93–100.

23. Отчет Высшего Совета народного хозяйства VIII Всероссийскому съезду Советов. – М., 1920.

24. Петров П.В., Павленко В.А. О проблемах становления советской промышленности глазами партийного и хозяйственного руководства СССР // Вестник СГУГиТ (Сибирского государственного университета геосистем и технологий). – 2015. – № 4 (32). – С.208–220.

25. План ГОЭЛРО. – М.: ИД ЭНЕРГИЯ, 2006. – 1071 с.

26. Попов Г. Г. А что было бы, если не было бы? К вопросу о целесообразности коллективизации и индустриализации в СССР // Пространство экономики. – 2009. – № 4. – С.89–107.

27. Рашин А.Г. Женский труд в СССР. – М.: Вопросы труда, 1928. – 64 с.

28. Родина В.В. Образ торгово-промышленного сословия в русской литературе // Известия СПбГЭУ. – 2016. – № 6 (102). – С.105–115.

29. Родина В.В. Вербализация концепта «Промышленность» в массмедиа-дискурсе // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева.– 2016. – № 2 (36). – С.163–168.

30. Стенограмма совещания членов Президиума Госплана СССР 13 октября 1926 г. (РГАЭ. Ф. 4372. ОП. 1. Д. 335. Л.10−11, 64).

31. Тимошина Т.М. Экономическая история России. Учебное пособие. – М.: Филинъ, Юстицинформ, 1998. – 432 с.

32. Ульянова С.Б. Гендерные отношения в советской промышленности в 1920-е – 1930-е гг // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2013. – № 184. – С.119–126.

33. Ханталин Р.А. Невольники Поморья: роль репрессированных граждан СССР в развитии производительных сил Европейского Севера (1930–1954 гг.) // Каторга и ссылка на Севере России: сборник статей – Архангельск: Кира, 2006. – Т. 2. – 361 с.

34. Хасбулатова О.А. Движение женщин-общественниц в 1930-е годы как технология государственной политики по вовлечению домашних хозяек в общественное производство // Гендерные исследования: методологические подходы. – URL: http:// www.genderstudies.info/social/s04.php.

35. Черновик стенограммы доклада Куйбышева на заседании СНК и СТО об итогах выполнения промфинплана 1926/27 г. 28 февраля 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 79. ОП. 1. Д. 603. Л.10.

36. Шмелев Н.П., Попов В.В. На переломе. Экономическая перестройка в СССР. – М.: Изд-во АПН, 1989. – 398 с.

37. Шульгина М.В. Эволюционирование системы принуждения и стимулирования труда заключенных в Соловецких лагерях особого назначения (1923–1933 годы) // Вестник ЧелГУ. – 2010. – №10. – С.61 – 67.
38. Экономическая история России XIX–XX вв. / Отв. ред. В.А. Виноградов. – М.: РОССПЭН, 2000. – 624 с.
39. XII съезд РКП (б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. – М.: Изд. «Красная новь», Главполитпросвет, 1923.
40. XVII конференция ВКП (б). Стенографический отчет. – М.: Партийное издательство, 1932.
41. XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – М.-Л.: ГИЗ, 1930.
42. XVII съезд ВКП(б). 20 января - 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. – М.:Партиздат, 1934.
43. Siegelbaum, L. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941 / L. Siegelbaum. – Cambridge (Mass.), 1988.

1. Abramova, T.A. (2012) Promyshlennost' Sovetskogo Soiuza: planovoe razvitie i tsiklichnost' [Industry of the Soviet Union: planned development and cyclicality] // Obshchestvo. Sreda. Razvitie (TerraHumana)[Society. Environment. Development (TerraHumana)]. – №4. – P. 54–58.(In Russ.)
2. Antropologiia vlasti. Khrestomatiia po politicheskoi antropologii. V 2 t. T. 1: Vlast' v antropologicheskom diskurse [Anthropology of power. Reader on political anthropology. In 2 vols. T. 1: Power in anthropological discourse] / otv. red. V.V. Bocharov. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. — 2006. – 491 p. (In Russ.)
3. Ginzburg, A.M. (1990) Predisloviia k sborniku «Zakonodatel'stvo o trestakh i sindikatakh» [Preface to the collection "Legislation on trusts and syndicates"] // NEP i khozraschet [NEP and self-financing]. – M.: Ekonomika. – P. 150 – 151. (In Russ.)
4. Goldman, V.Z. (2010) Zhenshchiny u prokhodnoi. Gendernye otnosheniia v sovetskoi industrii (1917–1937) [Women at the checkpoint. Gender relations in the Soviet industry (1917-1937)]. – M.: ROSSPEN. – 357 p. (In Russ.)
5. Gorelov, O.I. (2001) Tsugtsvang Mikhaila Tomskogo. Shtrikhi k portretu [Zugtsvang Michael Tomsky. Strokes to the portrait]. – M.: ROSSPEN. –296p.(In Russ.)
6. Grik, N.A. (2005) Problemy effektivnosti sovetskoi promyshlennosti v 1920 – nachale 1930-kh gg. [Problems of the effectiveness of Soviet industry in 1920 - early 1930's] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]. – № 288. – P.182–188. (In Russ.)
7. Direktivy KPSS i Sovetskogo pravitel'stva po khoziaistvennym voprosam. 1917–1957 gody [Directives of the CPSU and the Soviet Government on economic issues. 1917-1957 years.]. – T. I. – M. : Izd-vo polit. lit., 1957. – 879 p. (In Russ.)
8. Drobizhev, V.Z. (1966) Glavnyi shtab sotsialisticheskoi promyshlennosti (Ocherki istorii VSNKh. 1917 – 1932 gg.) [The main headquarters of socialist industry (Essays on the History of the Supreme Council of National Economy, 1917 - 1932)]. – M. – 283 p. (In Russ.)
9. Egortseva, N.A. (2012) Stanovlenie otechestvennogo avtomobilestroeniia, rol' aktsionernogo obshchestva «Fiat» v reshenii avtomobil'noi problemy v SSSR [Formation of the domestic automotive industry, the role of the joint-stock company "Fiat" in solving the automobile problem in the USSR] // Vektor nauki TGU [Vector science Togliatti State University]. – № 2. – P.103–106. (In Russ.)
10. Zelev, M.V. (2014) Stalinskie inzhenery i khoziaistvenniki v zarubezhnoi istoriografii 1950–1980-kh gg.: ot pervykh podkhodov do revizionistskoi kontseptsii [Stalin's engineers and business executives in foreign historiography of the 1950-1980's: from the first approaches to the revisionist

concept] // Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki [University proceedings. Volga region. Humanities]. – № 4 (32). – P. 66–77. (In Russ.)

11. Igolkin, A.A. (2005) Import oborudovaniia kak faktor razvitiia neftianoi promyshlennosti v gody dovoennykh piatiletok [Import of equipment as a factor in the development of the oil industry in the years of the pre-war five-year plans] // Ekonomicheskii zhurnal [Economic journal]. – № 9. – P.208–220.(In Russ.)

12. Kapitsa, P.L. (1989) Pis'ma o nauke [Letters on science]. – M. – 236 p. (In Russ.)

13. Kozenko, A.S. (2015) Plan GOELRO kak primer natsional'noi tekhniko-ekonomicheskoi strategii [GOELRO plan as an example of national technical and economic strategy] // Obshchestvo. Sreda. Razvitie (TerraHumana)[Society. Environment. Development(TerraHumana)]. – № 2 (35). – P. 17–23. (In Russ.)

14. Kritsman, L. (1921) O edinom khoziaistvennom plane [On a single economic plan]. – M.: Gosizdat.(In Russ.)

15. Malia, M. (2002) Sovetskaia tragediia. Istoriia sotsializma v Rossii. 1917–1991 [Soviet tragedy. The history of socialism in Russia. 1917-1991]. – M.: ROSSPEN. – 584 p.(In Russ.)

16. Meerovich, M.G. (2014) Tainye pruzhiny sovetskoi industrializatsii [The Secret Springs of Soviet Industrialization] // Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovanii [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research]. – № 1. – P.98–104.(In Russ.)

17. Mirgorodova,Iu. M. (2010) Stakhanovskoe dvizhenie na predpriiatiiakh sveklosakharnoi promyshlennosti Kurskoi oblasti v 1933–1940 gg. [Stakhanov movement in the beet-sugar industry enterprises of the Kursk region in 1933-1940] // Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta [RSSU Proceedings]. – № 5. – P.95– 99. (In Russ.)

18. Moskovskii, A.M. (2005) Oboronnaia promyshlennost' i ee vklad v Pobedu [Defense industry and its contribution to the Victory]// Vestnik Akademii voennykh nauk [Bulletin of the Academy of Military Sciences]. – № 2. – P. 35–42. (In Russ.)

19. Nikolaev, A.E. (2012) Modernizatsiia oboronnoi promyshlennosti Rossii: uroki istorii [Modernization of the Russian defense industry: history lessons] // Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. – № 6 (24). – P.87–99.(In Russ.)

20. Novikov, M.V., Zemlianskaia, S.V. (2008) Inostrannyi kapital v sovetskoi elektrotekhnicheskoi promyshlennosti sil'nykh tokov v gody nepa [Foreign capital in the Soviet electrotechnical industry of strong currents during the NEP] // Vestnik VolGU. Seriia 3: Ekonomika. Ekologiia [Science Journal of VolSU. GlobalEconomic System]. – № 2. – P.211–218.(In Russ.)

21. Nureev, R.M. (2017) Istoki ogosudarstvleniia ekonomiki i ego posledstviia [The Origins of Economic Environment and itsConsequences] // Mir novoi ekonomiki[The worldof new economy]. – № 2. – P. 93 104. (In Russ.)

22. Okorochkova, T.S. (1999) Zhenskii trud v promyshlennosti SSSR v gody NEPa [Female labor in the industry of the USSR in the NEP years] // Sotsiologicheskie issledovaniia[Sociological research]. –№ 9. –P. 93–100.(In Russ.)

23. Otchet Vysshego Soveta narodnogo khoziaistva VIII Vserossiiskomu s"ezdu Sovetov[Report of the Supreme Council of the National Economy to the 8th All-Russian Congress of Soviets]. – M., 1920.(In Russ.)

24. Petrov, P.V., Pavlenko, V.A. (2015) O problemakh stanovleniia sovetskoi promyshlennosti glazami partiinogo i khoziaistvennogo rukovodstva SSSR [On the problems of the emergence of Soviet industry through the eyes of the party and economic leadership of the USSR] // Vestnik SGUGiT (Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta geosistem i tekhnologii) [Vestnik of the Siberian State University of Geosystems and Technologies (SSUGT)]. – № 4 (32). – P.208–220. (In Russ.)

25. Plan GOELRO [The GOELRO plan]. – M.: ID ENERGIIa, 2006. – 1071 p. (In Russ.)
26. Popov, G.G. (2009) A chto bylo by, esli ne bylo by? K voprosu o tselesoobraznosti kollektivizatsii i industrializatsii v SSSR [What would have happened if it had not been? To the question of the expediency of collectivization and industrialization in the USSR] // Prostranstvo ekonomiki [Terra Economicus]. – № 4. – P.89–107.(In Russ.)
27. Rashin, A.G. (1928) Zhenskii trud v SSSR [Female labor in the USSR]. – M.: Voprosy truda. – 64 p. (In Russ.)
28. Rodina, V.V. (2016) Obraz torgovo-promyshlennogo sosloviia v russkoi literature [The image of the commercial and industrial class in Russian literature] // Izvestia SPbGEU. – № 6 (102). – P.105–115. (In Russ.)
29. Rodina, V.V. (2016) Verbalizatsiia kontsepta «Promyshlennost'» v massmedia-diskurse [Verbalization of the conceptof industryin mass media discourse] // Vestnik KGPU im. V.P. Astaf'eva [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University]. – № 2 (36). – P. 163–168. (In Russ.)
30. Stenogramma soveshchaniia chlenov Prezidiuma Gosplana SSSR 13 oktiabria 1926 g. [Transcript of the meeting of members of the Presidium of the State Planning Committee of the USSR on October 13, 1926] (RGAE. F. 4372. OP. 1. D. 335. L.10−11, 64).(In Russ.)
31. Timoshina, T.M. (1998) Ekonomicheskaia istoriia Rossii [The economic history of Russia]. Uchebnoe posobie. – M.: Filin", Iustitsinform. – 432 p. (In Russ.)
32. Ul'ianova, S.B. (2013) Gendernye otnosheniia v sovetskoi promyshlennosti v 1920-e - 1930-e gg [Gender relations in Soviet industry in the 1920s-1930s] // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [St. Petersburg State Polytechnic University Journal. Humanities and Social Sciences]. – № 184. – P.119–126.(In Russ.)
33. Khantalin, R.A. (2006) Nevol'niki Pomor'ia: rol' repressirovannykh grazhdan SSSR v razvitii proizvoditel'nykh sil Evropeiskogo Severa (1930–1954 gg.) [Slaves of Pomorze: the role of repressed citizens of the USSR in the development of the productive forces of the European North (1930-1954)] // Katorga i ssylka na Severe Rossii [Katorga and exile in the North of Russia]: sbornik statei – Arkhangel'sk: Kira. – T. 2. – 361 p.(In Russ.)
34. Khasbulatova, O.A. Dvizhenie zhenshchin-obshchestvennits v 1930-e gody kak tekhnologiia gosudarstvennoi politiki po vovlecheniiu domashnikh khoziaek v obshchestvennoe proizvodstvo [The movement of women social workers in the 1930s as a technology of public policy to involve housewives in social production] // Gendernye issledovaniia: metodologicheskie podkhody [Gender Studies: methodological approaches]. – URL: http:// www.genderstudies.info/ social/s04.php.(In Russ.)
35. Chernovik stenogrammy doklada Kuibysheva na zasedanii SNK i STO ob itogakh vypolneniia promfinplana 1926/27 g. 28 fevralia 1928 g. [A draft transcript of the Kuybyshev report at the meeting of the Council of People's Commissars and the SRT on the results of the implementation of the industrial plan of 1926-27 on February 28, 1928] // RGASPI. F. 79. OP. 1. D. 603. L.10.(In Russ.)
36. Shmelev, N.P., Popov V.V. (1989) Na perelome. Ekonomicheskaia perestroika v SSSR [At the fracture. Economic restructuring in the USSR]. – M.: Izd-vo APN. – 398 p. (In Russ.)
37. Shul'gina, M.V. (2010) Evoliutsionirovanie sistemy prinuzhdeniia i stimulirovaniia truda zakliuchennykh v Solovetskikh lageriakh osobogo naznacheniia (1923–1933 gody) [Evolution of the system of coercion and stimulation of the work of prisoners in the Solovetsky Special Purpose Camps (1923-1933)] // Vestnik ChelGU [CSU Bulletin]. – № 10. – P.61 – 67. (In Russ.)
38. Ekonomicheskaia istoriia Rossii XIX–XX vv. [Economic history of Russia XIX-XX centuries] / Otv. red. V.A. Vinogradov. – M.: ROSSPEN, 2000. – 624 p. (In Russ.)

39. XII s"ezd RKP (b). 17–25 aprelia 1923 g. Stenograficheskii otchet [XII Congress of the RCP (B.). April 17-25, 1923. Verbatim report]. – M.: Izd. «Krasnaia nov'», Glavpolitprosvet, 1923.(In Russ.)
40. XVII konferentsiia VKP (b). Stenograficheskii otchet [XVII Conference of the CPSU (b). Verbatim report]. – M.: Partiinoe izdatel'stvo, 1932.(In Russ.)
41. XVI s"ezd VKP(b). Stenograficheskii otchet [XVI Congress of the CPSU (b). Verbatim report]. – M.-L.: GIZ, 1930.(In Russ.)
42. XVII s"ezd VKP(b). 20 ianvaria - 10 fevralia 1934 g. Stenograficheskii otchet [XVII Congress of the CPSU (b). January 20. – February 10, 1934. Verbatim report]. – M.: Partizdat, 1934.(In Russ.)